

**Виктор
Меркушев**

**Из московского
дневника
петербургского
визионера**

Виктор Меркушев

**Из московского дневника
петербургского визионера**

«Знакъ»

2012

Меркушев В. В.

Из московского дневника петербургского визионера /
В. В. Меркушев — «Знакъ», 2012

ISBN 978-5-457-63418-3

Москва глазами петербуржца, впечатления от пребывания в столице
двухтысячных. Путевые заметки о путешествии из прежней Москвы, в Москву
нынешнюю.

ISBN 978-5-457-63418-3

© Меркушев В. В., 2012

© Знакъ, 2012

Виктор Меркушев

Из московского дневника петербургского визионера

Начиная эти записки, я менее всего хотел придать им форму дневника. Так уж случилось, что подобный способ изложения мыслей стал своеобразным литературным приложением к личности автора, и, если автор неизвестен читателю, то это обстоятельство может его отпугнуть; в то время как задача моих записок сделать читателя своим попутчиком по городу, частичка которого есть в сердце каждого, кому привелось хотя бы однажды побывать в нём. Мне хочется вместе побродить по Москве и поспорить о том или другом, и, хотя я не смогу услышать ответа, постараюсь его предвидеть, возможно, и изменить своё мнение о чём-либо. Для этого форма дневника подходит, как нельзя лучше: дневник не предлагает никакой идеи, лишь фиксирует весь спектр всевозможных впечатлений от увиденного и услышанного.

...В Москву я, против обыкновения, приехал ночью. Жаворонок по природе, я очень давно не видел ночи, пожалуй, с самого детства, когда забирался на крышу, чтобы разглядывать звёзды. Созерцание звёзд удивительным образом действует на человека, отвлекает от забот земли, её тяготения, приобщая к каким-то непонятным абсолютным истинам, доступным лишь подсознанию. Теперь я, как и большинство людей, редко смотрю на звёзды, порой, не смотрю даже себе под ноги, что уж, конечно, совершенно недопустимо.

И здесь, в Москве, мне вновь представилась возможность заглянуть в этот безбрежный небесный океан, усыпанный дрожащими огнями созвездий, у своего берега подсвеченного воспалённым городским горизонтом. Уходят эпохи, землю опутывают льды и снова тают, грозя новым вселенским потопом, а над поверхностью земли всё также серебрится шлейф Млечного Пути, тлеют расплывчатыми пятнами туманности и мерцают звёзды. Тысячу лет назад просвещенные арабы и греки так же смотрели на них и давали им свои поэтические названия, дошедшие до наших дней и нанесенные на все карты звездного неба. В лукавом прищуре горит одна из самых заметных звёзд неба Алголь – глаз дьявола, далёким северным маяком нависает над горизонтом вечный спутник Большой Медведицы – Полярная и алмазной колючей россыпью застыла в бесконечной темно-синей глубине звёздная цепочка Плеяды, красивейшее созвездие неба, которое мы, как и наши далёкие предки, чаще называем загадочным словом – Стожары.

Как мне всегда его не хватало, этого бескрайнего вечного неба, бесчисленных звёзд, розовых и фиолетовых всполохов у горизонта! Это там, где-то на тверди эфира, существует точка опоры для нашей души. Душа сама найдёт её, нужно лишь пристально посмотреть вверх, и обрести, как благодать, спокойствие и душевные силы. А так ли часто мы находим эти две-три минуты, возвращающие нам уверенность и желание жить. Прав был Кант, поражаясь звёздному небу, как завораживающему феномену, способному бесконечно удивлять и преображать сознание. Сейчас, глядя на спокойное величие накрывшей огромный город ультрамариновой бездны, трудно себе представить, что рядом, в двух шагах от меня, разгорается своим мишурным блеском жутковатый карнавал ночи.

Всё, ранее представленное в предсказуемых, определённых статусом и внутренним самоощущением величинах, приобретает значительную мнимую составляющую и становится тем, чем оно, в действительности, не является. К вещному, осязаемому значению приплюсовывается что-то зыбкое, неверное, взявшееся неведь откуда, цепляющееся за любое воплощение, любую сущность.

Конечно, на этом празднике я запоздалый гость, гость во многом случайный, но и для меня выстроившиеся в линейку дома надели сверкающие одежды из цветных гирлянд и реклам, короны из рубиновых звёзд и красных габаритных огней, и для меня тоже по улицам и площадям расставлены огромные белые и желтые цветы на фонарных причудливых стеблях, и весь город засыпан стальным серпантинном сверкающих проводов. И как бы не манил своим притворным величием этот влекущий праздник, любые бравурные трубы и фанфары звенят фальшивыми нотами, и в любой, обращённой к тебе, восторженной речи есть что-то лживое и ненастоящее. Но так ли мы всегда хотим созерцать правду, если любую неопределённость воспринимаем как отложенную возможность, обращённую в будущее, и, подобно Томасу Гарвею, пытаемся искать среди бессмыслицы и случайностей свою единственную Биче Сениэль, прекрасно осознавая, что найти её там невозможно.

...Московские электрички это совершенно особая история. В Питере ты садишься в вагон, и уже через десять минут мимо тебя мелькают бескрайние поля, болота, дачные вагончики и редкий, заросший низким кустарником, карельский лес. Московские же электрички – это прекрасный способ посмотреть город. И, надо заметить, что от такого путешествия получаешь несколько иные впечатления, нежели от автобусной экскурсии или пешей прогулки.

Дело в том, что ты, как наблюдатель, оказываешься на уровне второго или третьего этажа, и обзор вбирает в себя более глубокие городские планы. Оказываются доступными для обозрения различные огороженные территории, строительные площадки и внутренние дворики малоэтажной застройки. А минимальная вовлечённость позволяет непредвзято относиться к увиденному. Глаз путешественника всегда отметит нечто особенное, что-нибудь непривычное и необычное для себя.

Первое, чему не перестаёшь удивляться, так это тому, с какой лёгкостью переплелись между собой различные эпохи и стили, не только не мешая, но оттеняя и дополняя друг друга. Второй общей особенностью городской среды безусловно является рельеф: холмистый, рябой от белёсой глинистой земли, по которой то тут, то там протянулись зелёные жилки цветущей воды.

Меня никогда не вдохновляла эстетика новостроек и не впечатляла смелость конструктивистских идей, но столичная застройка подкупает какой-то многослойностью, каким-то нехарактерным для питерского хайтека вторым планом. Отдельным сооружениям я так и не сумел найти рационального объяснения. Особенно мне приглянулись две громадные металлические конструкции, вырастающие из бетонного цилиндрического объёма.

Пока я размышлял о том, как бы всё это могло выглядеть в вечернее время, когда на первый план выходит самое эффективное начало, формирующее восприятие среды – освещение, я почувствовал на себе взгляд, не пристальный, пронзительный, клейкий, а так, скорее легко царапающий, почти безразличный.

Меня разглядывали две пожилые женщины, определённо нашедшие во мне чудака. Мой этюдник, сопровождающий меня повсюду, неизменно привлекает ненужное внимание, а спрятать его в сумку получается не всегда, особенно, когда с собой ещё куча вещей, которые невозможно таскать, перекинув через плечо.

В свою очередь, разглядывая изучавших меня, я обнаружил интересную закономерность облика москвичей – это безусловное желание казаться, нежели желание быть. В этом, конечно же нет ничего предосудительного, тем более, что незнакомые люди выстраивают своё отношение к вам именно по создаваемому впечатлению и любой человек тут сам себе режиссер.

Помню, как однажды в детстве, приехав на Украину и очутившись на городском рынке, я обратил внимание на то, что почти все немолодые мужчины одеты в серые короткие пиджаки, а пожилые женщины в коричневые платки и плюшевые пальто. Оказавшись там

же через тридцать лет, я вновь обнаружил те же серые пиджаки и плюшевые пальто, словно эта одежда переходила по наследству от отца к сыну, от матери к дочери. Не многим разнятся от этих людей и питерцы: в каждой петербурженке есть что-то от легендарной покровительницы нашего города – Блаженной Ксении, ценившей лишь то, что можно увидеть только духовным зрением, а в каждом нашем петербуржце сидит маленький Александр III, самолично чинивший себе сапоги. Мы всегда чего-то инфантильно ждём, надеемся на случай, на следующий раз. Как будто придёт другое время или наступит другая жизнь. Не наступит... Надо жить «здесь и сейчас», как безусловно эти две женщины напротив, явно стремящиеся быть привлекательными и стремящиеся находить интерес в том, что их окружает и что дано в настоящую минуту. В этих хорошо одетых и равнодушных к своей внешности женщинах явно чувствуется вовлечённость в активную полноценную жизнь, лишённую обочины сторонней созерцательности.

Быть, находиться в настоящем, иметь этакое здоровое эгоистическое начало, вытесняющее всевозможные комплексы, всегда отличало столичных жителей от петербургских антиподов, чреватых потрясениями и грезящими революциями.

Как-то мне попала на глаза гравюра девятнадцатого века «Петербургские типы». Рассматривая её, я среди представленных типажей узнал и Раскольникова, и Сатина, и Сонечку Мармеладову, и Башмачкина.

Конечно, персонажи Гиляровского тоже могут быть представлены не менее красноречиво в этом отношении, но все-таки в них нет этой болезненности, изломанности, а чаще всего присутствует что-то по-купчески простое, предлагающее задержать взгляд, обратить внимание, выбрать, наконец. Недаром за Москвой на долгое время утвердилась слава ярмарки невест. Сейчас, когда всё перепуталось, в Петербурге всё равно чаще встретишь созерцателя и визионера, а в Москве – делового и уверенного в себе человека. Под стать жителям и архитектура. И тут я не столько о купеческой Москве и дворянском Петербурге, а об архитектуре городов в целом, которая никак не уместается в это тесное клише, условное, и не вполне объективное. Мои знакомые подшучивают надо мной, когда я пытаюсь утверждать, что дух владельца влияет на восприятие архитектурного сооружения, меняя его судьбу и даже геометрию. Вы посмотрите на дом Распутина на Гороховой! Вы его обнаружите среди остальных и без всякого путеводителя. Бурные пятна времени, поплывшие по всему фасаду, ещё более заострили его мрачный и зловещий облик, а если подойти к дому поближе и заглянуть в тяжёлую въездную арку, то ваш взор остановят необъяснимые, разбухшие от вечной сырости чёрные стены. А дом, в котором жил Горький, и некоторое время Александр Грин. Дом смотрится словно корабль, стоящий у пирса, с борта которого к нам, на берег, доносится чарующий мотив ожидания, он весь исполнен какой-то внутренней динамики, весь устремлён в Неведомое, куда-то в манящие дали, и ветер с залива слегка качает его бесчисленные мачты, притворившиеся антеннами. Или посмотрите на дом на Владимирском, которым некогда владели грузинские царевны, даже после отдельных переделок, он, в особенности вечером, чем-то напоминает горную гряду, высящуюся над типовой застройкой позапрошлого века. Поэтому город для меня всегда живое существо, и городские жители – его неотъемлемая часть. Но мои друзья только смеются надо мной, хотя наверняка согласны с моими предположениями.

Глядя из окна электрички на мелькающие дома, глядя на своих случайных соседей, очевидно их населяющих, в стук вагонных колёс я явственно различил рефрен, звучащий в сочинениях Фридриха Ницше: «Люди не равны!» Я, собственно, всегда это знал, но никогда ещё это утверждение не казалось мне столь горьким и безнадёжным.

... Очень часто наш интерес к чему-либо бывает спровоцирован вещами отвлечёнными или почти случайными. Своё самое первое представление о Москве я составил на основе сказок Вениамина Каверина, и в дальнейшем, уже невольно сравнивал реально увиденное

с образами из прочитанной книжки. Конечно, в Москве никогда не было улицы «Столовая Ложка» или аптеки с названием «Голубые шары», но что-то знакомое проступало в синих вечерних двориках, тротуарах в оранжевых пятнах света, жёлтых окнах на чёрном фасадном глянце... Во всяком случае, в то время, когда я, будучи студентом «Мухинки», приезжал в столицу на выходные из Ленинграда, меня манила не только каверинская Москва солнечных шестидесятых, но и тот город, который не умещался на крошечной сказочной территории.

Существуют многочисленные свидетельства современников, что свойственный тому времени архитектурный минимализм располагал к себе прежде всего обращённостью к человеку, его удобству, комфорту, душевному комфорту в том числе. Помню, как радовали меня разноцветные стены помещений, светлые фойе, бесчисленные окна, простые формы, лишённые как замысловатого декора, так и того высокомерного превосходства, которое отличало архитектуру сталинского времени. Что-то было во всей этой наивной эстетике очень понятное, близкое, по-настоящему доброе, без равнодушного холода отчуждения, свойственного иным стилям, иным предметам, иным образцам. И не удивительно – это было время поэзии и в литературе, и в музыке, и, конечно, в архитектуре. Меня всегда интересовало это время, его приметы, его свершения, его люди. Возможно, оттого, что я сам коснулся этого времени самым тонким краем своей жизни.

Но ничего не бывает надолго и, тем паче, навсегда. И в жизни человека, и в жизни города. Нет уже не только каверинской Москвы, нет уже и той страны, где жили его замечательные герои, честные и счастливые, независимые и красивые. А над некогда светлыми строениями солнечного города, теперь презрительно именуемыми хрущобами, нависла угроза окончательного исчезновения.

Что ж, как некогда сказал Александр Сергеевич: «Всеми пора!» Все мы когда-то были счастливы, только не знали об этом. А может, дело было в особом состоянии среды вокруг нас, попадая в которую неизбежно проникаешься её настроением, заряжаешься её энергией, подчиняешься её воле. Или работала, никем пока не опровергнутая формула «линейного счастья» от братьев Стругацких: счастливый человек может то, что хочет, а хочет того, что может.

Мне думается, что стремление к счастью неизбежно обречено на отрицательный результат. Поиск счастья равносителен поиску клада, который никогда не даётся в руки ищущему.

Как-то я, будучи подростком, вместе с местными мальчишками загонял шук и линей в наш самопальный бредень на одной из маленьких речушек, впадающих в Днепр. Рыб попадалось мало, а вот щипалок, так на Украине называют тритонов, всё время приходилось брезгливо вытряхивать обратно в водоём. Неожиданно один из нас заметил в сетке несколько тёмных пластинок неправильной формы, похожих на рыбу чешую. Какое было наше удивление, когда пластинки оказались старинными серебряными монетами. Не помню, куда они впоследствии делись, но уже в тот же день десятки людей, вооружившись дырявыми тазиками и ситами «мыли» речной ил и песок.

Надо ли говорить о том, что никто ничего не нашёл, кроме пары-тройки глиняных черепков, бесплатно очистив дно и усеяв весь берег чёрной тиной, в которой сосредоточились тучи мошкар. Так случается со всем неоправданно многообещающим: чем больше желание, тем меньше шансов для обретения желаемого. Так и со счастьем. Как тут не вспомнить нашего замечательного поэта, писавшего:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.